

Михаил Ярославцев

16+

Реальность и сны

Рассказы и миниатюры

Михаил Ярославцев

Реальность и сны

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Ярославцев М.

Реальность и сны / М. Ярославцев — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-07737-9

В этой книге собраны произведения, раскрывающие разные грани современной жизни. В наш век обилия информации бывает трудно отделить правду от вымысла, они переплетаются между собой в разных пропорциях и в таком виде отпечатываются в головах людей. Понять, где реальность, а где обман – становится порой нетривиальной задачей для ума.

ISBN 978-5-532-07737-9

© Ярославцев М., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Вместо предисловия	5
1. Реальность вокруг нас	8
Утро Дзен	8
Соседи	10
Антикошка	11
Дурачок	13
Сергунька и Кирпич	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Вместо предисловия

Родился я в тысяча девятьсот семьдесят седьмом году в городе Новосибирске. Учился... крестился... женился, et cetera. Вот кому это интересно?! Кому нужны сухие даты и названия учебных заведений? Как будто больше вспомнить-то и нечего. Цифры, зацепочки из прошлого, которое неминуемо стирается из памяти с годами. А я вот помню себя с очень раннего возраста, лет с двух. Правда только обрывки каких-то образов и силуэты людей. Но младшую группу детского сада уже помню отчетливо. Врезалось в память почему-то, как сижу в песочнице и смотрю вверх, на казавшиеся тогда огромными лиственницы, а они осыпаются рыжими иголками, потому что осень. Но солнце ещё светит, небо ясное, синее, глубокое, облака где-то высоко-высоко. Лиственницы застилают песок своей мягкой хвоей в такт порывам ветра, а я смотрю в небо и шепчу кому-то там, наверху: «Мне всего три года».

Это было, пожалуй, первое осознание себя как частицы мира, как участника процессов, происходящих вокруг. Это как ступеньки, поднимаясь по которым начинаешь видеть всё дальше и больше. И не всегда эти ступеньки совпадают с событиями в жизни, о которых принято писать в биографиях.

Помню ли я, как пошёл в первый класс? Помню. В общих чертах. Ну холодно было, куртка была маловата на форму, цветы эти... Но по-настоящему из первого класса запомнился не этот день, а примерно месяцем позже.

Как раз в том году, когда я пошёл в школу, под окнами нашего дома начали строить метро. Рыли огромный котлован под будущую станцию «Красный проспект». Первые дни я ходил в школу напрямую, кратчайшей дорогой, но буквально через пару недель улицу начали перекрывать неприступные бетонные заборы с выштампованной буквой «М» на каждой секции. Дорога в школу становилась всё длиннее и длиннее, строители наращивали забор вдоль улицы, и его приходилось обходить. Брести мимо серого унылого забора было откровенно скучно. Я шел, изредка пытаюсь заглянуть между секций или под них, чтобы посмотреть, как строят метро. Но видно было немного: в основном или жёлто-коричневые стенки котлована, подпертые необструганными досками, или просто куски жирной глины и разломанного асфальта. И вот однажды хмурым сентябрьским утром я обнаружил в этом заборе появившиеся внезапно ворота. Причём, сквозные, на моей и на противоположной стороне улицы. Мало того, они были распахнуты настежь. Многие ли мальчишки в силах пройти мимо открытых ворот куда бы то ни было? Вот и я не прошёл. Тем более что через стройку дорога до школы вновь становилась длиной в пять минут, вместо обходной, растянувшейся благодаря забору до пятнадцати.

Я аккуратно, стараясь не испачкать свои чёрные школьные ботинки, пошёл через стройку по колее от грузовика. Шёл мелкий дождик-сеянец. Глина неприятного жёлто-коричневого цвета кисла по краям котлована справа, на огромных, в пару этажей высотой отвалах слева и на самой дороге от одних ворот к другим, размочаленная в жижу колёсами грузовиков. Как бы осторожно я ни ступал, мои ботинки всё равно покрывались мелкими жёлтыми каплями и мазками. «Ничего страшного, – подумал я, – вымою в луже на противоположной стороне». Грязные ботинки в школу не допускались, а сменную обувь я надевать не любил и всячески увиливал от этой школьной обязанности. Носил с собой вместо сменки чешки, которые требовались на уроке физкультуры.

Меж тем колея закончилась. Дальше шёл ровный и нетронутый слой глины, а следом, всего в полутора метрах, ворота и асфальт за ними. Я посмотрел на свои уже изрядно заляпанные ботинки и решил, что раз уж всё равно их придётся мыть, то не будет ничего страшного, если я сделаю пару шагов по грязи. Даже одного шага может хватить, если немного разбежаться и прыгнуть, тогда второй ботинок особо мыть не придётся. Я так и сделал. Разбежался несколько шагов по колее и... Вместо того, чтобы оттолкнуться от грязевой лужицы и ока-

заться на асфальте, моя левая нога утонула в грязи выше колена, правая чуть меньше, но тоже глубоко, значительно выше середины икры. Я чудом удержал равновесие и не упал в грязь. Потрясённый, я выбрался на асфальт и несколько минут смотрел на свои брюки, до колена покрытые медленно стекающей по ним грязью. Идти в школу в таком виде было невыносимо. Я слегка очистил ботинки от больших комков глины с помощью какой-то щетки, попавшейся под руку, и ополоснул их в ближайшей луже. Чистыми они не стали, однако хотя бы проявился их истинный чёрный цвет. С брюками всё было намного сложнее. Привести их в приличный вид с помощью щетки не представлялось возможным. Я задумался. Дома сейчас ещё и мама, и дед, и бабушка. Наверняка мне попадёт не только за испорченные брюки, но и за прогул уроков. Нет, домой идти нельзя, по крайней мере сейчас. Лучше дождаться, когда мама и дед уйдут на работу и дома останется только бабушка.

Я медленно побрёл в сторону школы. Тем временем дождик усиливался и из мелкой туманной мороси превращался в настоящий затяжной осенний дождь. Я понял, что гулять под таким дождём долго не смогу. Ноги сами принесли меня на школьный двор. Уроки уже начались, по двору никто не бегал, но оно и к лучшему – мне было стыдно за свои уделанные брюки и ботинки, и я не хотел, чтобы меня кто-нибудь увидел. Я спрятался от дождя под одним из огромных клёнов, растущих напротив крыльца. Здесь было почти сухо, капли дождя стекали по листьям где-то высоко в кроне. Недолго думая, я залез на дерево. Здесь меня никто не мог увидеть, а я видел и школьное крыльцо, и окна нашего класса на втором этаже, головы одноклассников, склонённые над тетрадями, и Анну Петровну, которая ходила между партами и изредка что-то говорила ребятам. Я просидел на клёне все четыре урока, а когда мои одноклассники пробежали мимо, расходясь по домам, слез с дерева и отправился сдаваться бабушке.

Так я узнал, что короткий путь – не всегда самый близкий.

Помню ли я окончание школы? Конечно! Экзамены, последний звонок, выпускной... Но гораздо лучше в тот год запомнилось, как я сидел в прокуренном коридорчике подпольно-подвальной звукозаписывающей студии «Копейка» и ждал своей очереди. А передо мной сидел ещё не слишком известный в начале девяностых Дима Ревякин, лидер группы «Калинов мост». Вопреки одухотворённо-возвышенному образу, созданному благодаря фотографиям и коллажам на обложках его пластинок, в реальности он оказался полноватым рыхлым парнем с непропорционально большой головой и испуганными глазами. Мы не разговаривали, просто сидели друг напротив друга на низких скамейках и думали каждый о своём. Скоро его пригласили на запись, и он довольно быстро вышел из студии, записав или отрепетировав, судя по доносящейся из-за двери музыке, всего одну песню. Мы с другом зашли вслед за ним и два часа записывали свои песни, пытаясь извлечь хоть какое-то подобие музыки из студийной бас-гитары, которая в тот день хрипела и булькала, как больной туберкулёзом. Студийный барабанщик, маленький длинноволосый худой паренёк по кличке Индеец, рассказывал нам, как вчера на этом басу репетировала группа «Гражданская оборона» и «ухлестала его в хлам, потому что все были пьяные». Я отчаянно крутил настройки «комбика» в надежде добиться нормального звучания и ловил себя на мысли, что меня не сильно впечатляет, что ещё вчера на этом басу играла легендарная «Гражданка». И то, что ещё пятнадцать минут назад в этот микрофон пел сам Ревякин, никак не уменьшало моего раздражения и досады от зря потерянного времени.

Не сотвори себе кумира. Кумир так же, как и ты, ест, пьёт, спит, покорно ждёт в очереди на запись и ломает отличный фендоровский бас.

Разумеется, я прекрасно помню день своей свадьбы. И ЗАГС, который из изначально планируемого «просто поедем, распишемся» таки превратился в торжественную церемонию с гостями и поздравлениями и поездку по всем «дежурным» достопримечательностям на машине с кольцами на крыше и куклой на капоте. Но более всего вспоминается момент, когда мы приехали домой перед рестораном. У нас была пара часов времени, сидели вчетвером, мы с женой и наши свидетели, разговаривали, дурачились, веселились на ровном месте. И вдруг

за окном потемнело, и началась первая в ту весну гроза. Дождь стоял стеной, лился по стёклам сплошным потоком. Гроыхало так, что мы порой не слышали друг друга. Но это никак не помешало нам веселиться и пребывать в прекрасном настроении.

Как только нам пришло время ехать на банкет, дождь прекратился как по команде. Мы вышли в свежий, умытый, пахнувший озоном весенний вечер. После был и пафосный ресторан, и гости, и тамада с идиотскими конкурсами, и тосты, и танцы... А вспоминаются всё равно гроза, ливень и наше тихое домашнее веселье.

Для радости не нужно многого. Радость рождается внутри, а не приходит извне.

Как можно не помнить рождения дочери?! Естественно, помню. До мельчайших подробностей. И волнение, и поздравления, и снегопад, начавшийся в тот день, когда я вёз своих девчонок из больницы. Но больше вспоминается другое. Дочери было чуть больше года. Мы переехали в новую квартиру и обустраивали её, периодически двигали мебель, приводили в максимально удобный для себя вид. В один из выходных решили повесить на стену часы. Для этого требовалось просверлить отверстие под дюбель. Я достал дрель, выбрал нужное сверло и начал вгрызаться в бетон. Дочка первый раз в жизни услышала звук работающей дрели. Она закричала, заплакала и побежала через всю комнату. Но не от меня, а ко мне. Я стоял на стремянке с дрелью в руках, видел её перекошенное от страха лицо, смотрел, как она неуклюже перебирает маленькими ножками и тянет ко мне руки. И понял, что она бежит меня спасать от страшной дрели, несмотря на собственный страх, торопится на выручку папе. Я уронил дрель, подхватил подбежавшую дочку на руки и крепко-крепко обнял. Слезы наворачиваются на глаза каждый раз, когда вспоминаю этот случай. В тот день я понял, что такое безусловная любовь.

Цифры, даты... Не из них состоит наша жизнь. Не те события врезаются в память, что принято описывать в автобиографиях. Но те, что тронули душу, позволили что-то открыть для себя, понять, усвоить. Позволили почувствовать, что живёшь...

1. Реальность вокруг нас

Утро Дзен (миниатюра)

Утро. Только приехали из отпуска – из аэропорта, с чемоданами. В холодильнике – шаром покати. Иду на рынок, благо рядом с домом. В руке список. Колбаса, яйца, хлеб.

Рано еще, торговцы только начали раскладывать свой товар. Большая часть киосков закрыта. Возле мясного прилавка молодые бородатые ребята в круглых шапочках о чем-то оживлённо беседуют на своём языке. Нахожу среди мясных продуктов колбасу.

– Ох, а что ж так дорого?

– Халяль! – отвечает продавец в белом халате.

– Не убедил, – я качаю головой и собираюсь идти дальше по рядам.

– Э-э, погоди! Ты знаешь, что такое халяль? Это самое лучшее мясо! Животное по всем мусульманским законам готовят, понимаешь? Никакой тебе сои-шмой в колбасе, никакой химии, только мясо. Потому и дороже немного.

– Ничего себе, немного! В два раза почти!

– Слушай, возьми, не пожалеешь!

– Ладно, вот этой свесь грамм триста.

Иду по рядам. Торговцы не торопятся начинать работу. Яйцами только одна тётка торгует.

– Подскажите, у вас три вида яиц одной категории по разной цене. В чём разница?

– Эти с птицефабрики, – показывает рукой тётка, – эти деревенские, эти монастырские.

– То есть с птицефабрики – не деревенские? – улыбаюсь я.

– Деревенские, – уверенно кивает тётка, – но с птицефабрики. А эти – от фермеров.

– А монастырские? – продолжаю любопытствовать я.

– А эти из монастыря, освящённые по православному обычаю.

– Ну, давайте монастырских десятков, – смеюсь я.

Я много кого из торговцев знаю по имени. И они меня знают, здороваются.

– Доброе утро, Михаил, – степенно произносит торговец сладостями, – чего в такую рань?

– Здравствуйте, Семён Абрамович. Из отпуска прилетели, только с самолёта. Вот, хлебушка купить пошёл.

– В такое утро, Михаил, я бы вам посоветовал купить мацы. Это кошерный хлеб.

– Семён Абрамович, ну какой из меня иудей?

– Ну что за стереотипы, Михаил? Разве только русские пьют водку? Разве только украинцы едят сало? Почему бы вам не попробовать мацу?

– А, давайте! И вот этих кексов с ванилью, пожалуй.

Уже на выходе с рынка меня окликает знакомый бурят, торгующий фруктами.

– Миша, привет, погоди!

– Привет, Батор. Не сегодня, я только на завтрак продукты покупаю.

– Да погоди ты! Мне омуля копчёного привезли. Возьми!

– Батор, давай я завтра за омулем приду.

– Не доживёт он до завтра на жаре, горячего копчения же. Пропадёт.

– Да у меня денег не осталось почти.

– Не надо денег, угощаю постоянного клиента. Мне целый ящик привезли, что мне с ним делать?

Батор достает из-под прилавка две крупные рыбины, заворачивает в газету и протягивает мне.

Жена жарит яичницу с колбасой. Зовёт меня.

– Иди посмотри!

Я подхожу и удивляюсь: на четыре разбитых яйца – семь желтков! Двойняшки! Вот тебе и православные яйца!

Мы садимся завтракать. Колбаса действительно не похожа на магазинную. Чуть специй, чуть соли, а всё остальное – натуральное мясо, как если бы пожарили отбивную. Жена хрустит мацой и смотрит на меня.

– Ты где всё это разыскал? Почему раньше не покупал никогда?

Я молчу, мотаю головой, показываю, что не могу ответить с полным ртом, а сам думаю. А действительно, почему? Дорого? Да оно же того стоит, зато как вкусно! Наверное, просто по привычке, от нежелания искать и находить что-то новое. А может из-за стереотипов, о которых говорил мне Семён Абрамович. Или из-за банальной лени поменять что-либо из того, что и так вполне устраивает. Поэтому молчу, разворачиваю омуля и отламываю кусочек.

Яркий и пряный запах можжевельного дымка наполняет нос. Сочное, нежное мясо тает во рту. Я закрываю глаза от удовольствия. Омуль в меру солёный, нежирный. Безумно вкусный. Я отламываю ещё кусок и протягиваю жене. Жена кладёт кусочек в рот.

– Батор угостил, говоришь?

Я киваю.

– Он буддист?

– Не знаю, – пожимаю плечами я.

Жена вдумчиво жуёт омуля, а я смотрю на неё, пытаюсь понять, к чему она клонит.

– Настоящий дзен вкуса, – произносит она наконец и улыбается.

Соседи (сатирическая миниатюра)

Выше всех жил дятел. Он был очень хозяйственный, всё время что-то перестраивал в своей квартире, ремонтировал, поправлял. Дятел уважал своих соседей и старался не стучать раньше девяти утра. Однако сам он вставал рано и иногда, когда ремонтировать было совсем немного, чуть-чуть подстукивал и в шесть, и в пять утра. Тихонько, чтобы никого не разбудить. Ну не ждать же три часа из-за одного маленького гвоздика?! Правда, соседи всё равно просыпались, ругали сквозь сон дятла-труженика, но самому дятлу ничего не говорили, потому что все были очень интеллигентные.

Этажом ниже жили слоны. Они, как и дятел, вставали рано. Дружно выходили на зарядку всей семьёй, завтракали, умывались. А потом маленькие слонятки начинали бегать и играть и всегда будили выдр, живущих этажом ниже. Поэтому выдры просили слонов-родителей не разрешать слонятам бегать по квартире, хотя бы до десяти утра. Слоны были добрые и отзывчивые, просьбу выдр выполняли, однако успокаивали по утрам своих детей такими громкими и трубными голосами, что выдрам всё равно не удавалось выспаться.

Выдры мало того что были редкостными сонями, но ещё и животными в основном ночными, потому по утрам ходили невыспавшимися и злыми. Не детки-слонятки, так дятел их постоянно будил раньше времени, а вечером им самим спать не хотелось. От недосыпания выдры были нервными, часто ссорились между собой. А ещё выдры очень любили купаться и иногда затапливали живущих ниже скунсов.

Скунсы жили на нижнем этаже и были самыми несчастными из всех. Они не ходили на работу и были вынуждены весь день слушать, как дятел стучит, делая очередной ремонт в своей квартире, как дети-слоники резвятся и играют, а по вечерам скунсы слушали, как придушенно шипят друг на друга выдры, и боялись, как бы они в очередной раз их не затопили. К тому же скунсов не любили абсолютно все соседи. Потому что скунсы воняли на весь дом. Дятел не стучал ночью, слоны не бегали по квартире круглосуточно, выдр вообще никто не слышал, кроме чутких скунсов, но вот скунсы воняли двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю, триста шестьдесят пять дней в году. И очень отравляли этим жизнь остальным и в прямом, и в переносном смысле.

Так что самим своим присутствием в доме несчастные скунсы делали несчастными всех.

Это, конечно, сказка, выдумка. Но вдруг кто-нибудь, решив вбить в стену гвоздь в воскресенье часиков в семь утра, вспомнит моего Дятла. Может, кто-нибудь, глядя на своих играющих в догоняшки по квартире отпрысков, вспомнит моих Слоников. Возможно, кто-то, в очередной раз срывая злость на ближнем своём, вспомнит Выдр и задумается, стоит ли портить отношения из-за сторонних помех. Ну и наконец, может так случиться, что кто-то, сетуя на отсутствие любви, ласки, уважения и поддержки, задумается, действительно ли все вокруг такие чёрствые, неблагодарные, неприятные, мерзкие и отвратительные? А может, просто надо перестать распространять вокруг себя зловоние и увидеть в своём окружении людей добрых, отзывчивых, заботливых и понимающих?

Любите друг друга, соседи!

Антикошка (миниатюра)

Кошка... Что-то мягкое, пушистое, мурлыкающее. Мило играющее с клубком или спящее целый день на батарее. Ну на худой конец, разбойный котяра с порванным ухом, гуляющий сам по себе по дачному посёлку. Но неизменно пушистый и милый.

Антикошка – не милая. И даже, представьте себе, не пушистая. Лысая, поджарая, с длинным подвижным хвостом.

«Фу, мерзость какая!», «На крысу похожа!», «Как такое может нравиться? Её даже гладить неприятно!»

Поверьте, антикошке всё равно, что вы о ней думаете. Она не будет к вам ластиться. И уж точно не захочет, чтобы вы её погладили. У неё другие приоритеты в жизни, не кошачьи. Она защищает хозяина и его дом. Это её основной инстинкт.

Она не завалится на ковёр кверху пузом перед любым гостем, не будет тереться у ног. Сядет неподвижным сфинксом и будет следить за чужаком, прищулив свои огромные глаза с круглыми не кошачьими зрачками. И гость будет осекаться посреди разговора, случайно встретившись с ней взглядом. Она бдит. Наблюдает. Неподвижная и невозмутимая, как часовой в карауле. И только изредка подрагивающий кончик хвоста выдаёт напряжение сжатой пружины, готовой в любой момент сорваться, прыгнуть с места, атаковать.

Вежливость и любопытство берут наконец верх, и гость спрашивает у хозяина:

– Можно её погладить?

– Конечно, – кивает хозяин. – Рысь, иди сюда.

И она идёт. Не бежит сломя голову, как собака, но идёт. Выгибает спину, расправляя мышцы, спокойно ступает по ковру и садится между хозяином и гостем. Антикошка не выполняет команды. Её попросил хозяин – она выполнила его просьбу. Спокойно и с достоинством.

Гость внезапно обнаруживает, что гладить её очень приятно. Тёплая, мягкая замша. И совсем она, оказывается, не похожа на крысу. Крысы не умеют вести себя с таким царственным достоинством. Гость гладит её с некоторой опаской, а она смотрит только на хозяина, словно спрашивая, достаточно ли она уделяет внимания гостю? Хозяин чуть заметно улыбается, и антикошка понимает, что уже достаточно, отходит от гостя и снова становится сфинксом на своём боевом посту.

В её жизни нет места для сомнений. Она точно знает, для чего она живёт. Антикошка ловит каждый взгляд, каждое слово хозяина. Она готова играть, когда этого хочет хозяин. Она не станет есть, даже когда голодна, если её в этот момент позвал хозяин. Она может часами просто сидеть и наблюдать, как хозяин работает за компьютером или смотрит телевизор. При любом удобном случае старается залезть к нему на колени. А если ей кажется, что хозяин долго не обращает на неё внимания, она молча подходит к нему и упирается лбом в его ногу, руку или иную подходящую часть тела.

Горе тому, кто посягнёт на хозяина или его дом. Это хрупкое существо превращается в неуправляемый вихрь, оцетинившийся со всех сторон когтями и клыками. Антикошка страшна в своей решимости победить или погибнуть прямо здесь и сейчас. Она не шипит, как другие кошки, не прижимает уши и не приседает от страха. Она бьёт себя по бокам длинным хвостом, становясь в этот момент похожей на маленького льва, и бросается без страха, без сомнений, без раздумий. Ей не важен размер и количество противников, антикошка будет драть когтями, кусаться и стараться добраться до горла. Но если хозяин спокоен, никому не вывести её из равновесия.

Она может быть игривым котёнком, но только для хозяина и его семьи. Она может мурчать так, что фужеры в серванте начинают резонировать, но только лёжа на коленях у хозяина. Она впадает в тоску, когда хозяин уезжает в отпуск, и с ненавистью смотрит на людей, приходящих её кормить. А когда хозяин возвращается после долгого отсутствия, антикошка сутки ходит за ним по пятам и жалуется, рассказывает ему, как ей было плохо без него.

Маленькое существо с огромным сердцем. Эталон любви, верности и преданности. Серая тень и ангел-хранитель своего хозяина. Невозмутимый сфинкс на границе покоя и мира в доме.

Дурачок (рассказ)

После смерти мужа Зинаида Александровна затосковала. Печаль её не была публичной и открытой, напротив, на людях она держалась как всегда, как подобает дочери профессора и жене член-корреспондента. Безукоризненно приветливая, излучающая вокруг царственное спокойствие и доброжелательность. Но внутри, особенно в одиночестве, точила её лютая тоска. Зинаида Александровна часами смотрела на портрет мужа, с которого он улыбался ей своей мальчишеской улыбкой. Разговаривала с ним, делилась своими проблемами. А проблем вдруг стало много, ох, как много. Продукты, которые раньше приносил домой муж или привозил его водитель, теперь нужно было выбирать самой, нести тяжёлые сумки из магазина. Появились какие-то бесконечные квитанции, счета, которые Зинаида Александровна оплачивала не вникая. Мелкие бытовые проблемы, вроде потёкшего крана в ванной, вдруг стали крупными и сложными, нужно было кого-то приглашать, покупать какие-то непонятные детали. И всё самой, самой. Иногда, правда, приезжал Павел, племянник мужа, сын его младшей сестры. Менял ей сгоревшие лампочки, точил ножи, иногда привозил фрукты, от которых Зинаида Александровна отказывалась. Она вообще почти ничего не ела. Не хотелось.

Спустя год Зинаида Александровна словно очнулась. Неожиданно и жёстко. Когда пришла в банк снять денег со счёта. Девчушка-операционистка, деловито стуча по клавишам, сообщила ей:

– А у вас столько нет.

– Как нет? – опешила Зинаида Александровна.

– У вас на счёте тридцать две тысячи четыреста тридцать пять рублей и сорок копеек, а вы хотите снять пятьдесят.

– Ну, давайте сколько есть, – тихо произнесла Зинаида Александровна.

Теперь Зинаида Александровна скрупулёзно изучала каждую квитанцию, каждую бумажку, неумолимо требующую у неё денег. Итог изучения был неутешительным: сумма счетов за квартиру, за свет, за воду и за газ чуть-чуть превышала размер её небольшой пенсии. Она ведь не работала при живом муже. Только в молодости после консерватории несколько лет преподавала сольфеджио в музыкальной школе.

Зинаида Александровна дала объявление в газету о частных уроках музыки, однако за месяц на него так никто и не откликнулся. Откуда ей было знать, что газет уже почти никто не читает. Между тем, пришло очередное первое число месяца, и после оплаты всех счетов на жизнь осталось всего несколько тысяч рублей. Зинаида Александровна попрощалась с круасанами и сыром на завтрак, с йогуртом на обед и котлетками на ужин. В её рационе обосновались макароны и чай с самодельным печеньем, которое она пекла изумительно, которое так любил покойный муж.

Решение лежало на поверхности – надо было продавать квартиру.

А квартира у них была хорошая: четырёхкомнатная, не в центре, но близко к нему. В добротном доме сталинских времён, с высокими потолками, арками и широкими лестницами в подъезде.

Когда в очередной раз приехал Павел, Зинаида Александровна, угощая его чаем с печеньем, словно невзначай завела разговор о квартире.

– Тяжело мне тут, Павлуша. Всё о Пете напоминает. Может, мне её продать да купить что-нибудь попроще, поменьше.

– Продайте, тётя Зина. Купите однокомнатную хорошую, и ещё куча денег останется. У вас как с деньгами-то? Поди, нужны?

– Да что ты, Павлуша, у меня всё хорошо. Но квартиру я бы продала. Не могу больше, тоскливо мне здесь. Вот только не знаю даже, с чего начать. Да и обманут меня, я же ничего не понимаю в этом. Может, ты мне поможешь, узнаешь?

– Конечно, помогу, тётя Зина, – кивнул Павел, отламывая печенье, – на той недельке заеду, расскажу что и как. Документы на неё есть какие-нибудь?

Объявился Павел только через месяц. К тому времени Зинаида Александровна уже заложила в ломбард серёжки и колечко, чтобы оплатить счета и купить немного продуктов.

– Всё, тётя Зина, я договорился. Нашёл вам покупателя и вариант для переезда подобрал. Продаём за девять миллионов, покупаем за четыре, пять миллионов у вас останется, можете в банк положить и проценты получать. Можно хоть завтра ехать вашу будущую квартиру смотреть.

– Ой, спасибо, Павлуша! Какой ты молодец! А разве покупатель мою квартиру посмотреть не хочет?

– А что её смотреть? Он всё равно ремонт тут будет делать, а планировку я ему показывал уже.

– Ой, как хорошо! Ну, так поехали скорее, посмотрим, что ты тётушке подобрал!

Новая квартира Зинаиде Александровне понравилась. Маленькая, но уютная, ухоженная, рядом с метро.

Павел сам занялся оформлением и переездом. Суматоха закрутила Зинаиду Александровну, встречи с покупателями, риелторами, продавцами. Она подписывала какие-то бумаги, брала справки, открывала счета в банке, ходила к нотариусу. Племянник везде сопровождал её. Зинаида Александровна сперва пыталась вникнуть в этот сумбурный процесс, но потом махнула рукой и полностью доверилась Павлу, подписывая бумаги не глядя и не читая.

И вот наконец, после месяца суеты и волнений, она оказалась в своей новой квартире, заставленной мебелью и вещами, с которыми она не смогла расстаться. На счету в банке лежало пять миллионов рублей, а серёжки и кольцо были выкуплены из ломбарда и покоились там, где им и надлежало быть – в резной нефритовой шкатулке.

Призрак нищеты отступил, и Зинаида Александровна воспряла духом. Даже мысли о муже уже не так тревожили её. А тут оказалось, что одна из дочерей соседки занимается фортепиано, и Зинаида Александровна предложила своё репетиторство. Вот только Павел совсем перестал заезжать.

– Приезжай, Павлуша, посмотри, как я устроилась хорошо, – звала она его по телефону.

– Некогда, тётя Зина, давайте на следующей недельке.

Но и через неделю, и через месяц Павел так и не мог выбрать время навестить тётю.

Только через полгода он позвонил и сам напросился в гости.

Зинаида Александровна, как всегда, поила его чаем и шутливо корила за то, что совсем бросил навещать родственницу. А Павел виновато ссылаясь на занятость, хрустел печеньем и расхваливал порядок и уют в новой квартире.

– Ну, а ты сам-то как живёшь? Грустный ты какой-то? Случилось у тебя что-то?

– Тётя Зина, – Павел старался смотреть Зинаиде Александровне в глаза, но взгляд его непроизвольно сползал на фарфоровый заварочный чайник с тонкими синими узорами, стоящий между ними, – я ведь вас обманул с продажей квартиры.

Тётя молчала, и Павел решился поднять на неё глаза. На лице Зинаиды Александровны блуждала загадочная полуулыбка, и Павлу на секунду показалось, что она не поняла, о чём он ей только что сообщил.

– И с покупкой тоже, – выдавил Павел. – Я миллион себе забрал. А с продажи, – Павел снова опустил глаза, – девять. Она в два раза дороже стоила...

– Я знаю, Павлуша.

Павел вновь посмотрел на неё. Тётя улыбалась, теперь открыто и искренне, как всегда.

– Но почему вы согласились?! Почему ничего мне не сказали ни при продаже, ни при покупке?

– Я подумала, что если ты решился ради этих денег обмануть свою тётку, то они тебе нужнее, Павлуша.

Павел закрыл лицо руками и тихо, протяжно заскулил, как нашкодивший щенок. Из-под его ладони на стол упала крупная прозрачная капля. Зинаида Александровна встала, обошла стол и погладила Павла по голове, нежно, по-матерински:

– Дурачок ты, Павлуша.

И вновь улыбнулась.

Сергунька и Кирпич (рассказ)

Замысел изначально был так себе. Плохой был замысел, к тому же незаконный. Да что уж там незаконный, преступный! И как Сергуньку угораздило в это дело вляпаться? Сидел бы за компьютером, на голых девочек глазел да в игрушки играл. Ну и учился бы себе, если бы время оставалось. Сергунька – студент. Учился он по принципу «от сессии до сессии живут студенты весело». Жил в общежитии, да не абы какой, а в аспирантской, даже в отдельной комнате с туалетом. Спасибо батю, подсуетился, когда сына в город отправлял. В общем, хорошо Сергунька жил, но голодно. Работать ему было лень, родители денег присылали, конечно, но это ж город большой, Новосибирск, тут соблазны на каждом шагу. В клуб с друзьями ходил пару раз, девчонку в кино сводил – и нет родительского перевода, месяц лапу сосать. Но Сергунька не унывал, питался быстрорастворимой лапшой да по гостям ходил, когда звали. Словом, был обычным студентом-разгильдяем, вполне мирным и безобидным.

И всё в жизни у Сергуньки было бы хорошо, если бы не Кирпич.

Кирпич был бандитом. Он ходил в спортивном костюме, кепке и остроносых лакированных туфлях. Из туфель выглядывали несвежие белые носки. Мясистое лицо Кирпича всегда имело выражение презрительное и надменное. Руки обычно не покидали карманов спортивной куртки, но иногда Кирпич являл окружающим свои внушительных размеров кулаки, от вида которых у Сергуньки слабели колени. Кирпич занимался сбором мелкой дани с торгующих семечками и солёными огурцами старушек у входа в метро, а также с пугливых таджиков, продающих помидоры и сомнительного вида куриные окорочка на небольшом рынке близ студенческих общежитий. По вечерам Кирпич обычно напивался в дрова в местной пивной в компании своих дружков, которые очень старались во всём походить на него и сопровождали его повсюду. Пьяный Кирпич частенько забредал в окрестные общаги и обирал подвернувшихся студентов. Сергунька тоже попадался ему пару раз и безропотно отдавал имеющиеся в карманах наличные. Ну а куда деваться? Кирпич и трезвый-то внушал страх, а в пьяном виде начинал орать и размахивать своими кулачищами. Но обида у Сергуньки засела крепкая. И мысли о перенесённом унижении отравляли Сергуньке жизнь похлеще химической китайской лапши. Сергунька мечтал, как он когда-нибудь ответит Кирпичу, вот прямо-таки в глаза ему скажет, мол, да пошёл ты... заре навстречу! А тот побагровеет от ярости, закрутит своими ручонками у его лица, и тут Сергунька ему ка-а-ак врежет! Да так, чтоб отлетел через весь коридор, как в компьютерных играх, и о противоположную стену треснулся!

Мечты мечтами, но на всякий случай Сергунька старался не ходить по общежитию слишком поздно. И вообще оглядывался. Потому что не мог он ни сказать ничего этому бугаю, ни тем более врезать. Сергунька сам это прекрасно понимал, вздыхал и ещё более расстраивался.

Наступило лето. Общежития опустели, студенты в большинстве разъехались на каникулы. Сергунька не торопился в родную деревню. Ну что он там не видел? Батя как пить дать припашет его на всё лето по хозяйству, а тут у него компьютер с девочками, и друзья, и пиво, и учиться не надо до самой осени, сессия-то сдана! Тихо стало в институтском райончике. Даже Кирпич куда-то подевался. Сергунька думал, что его прибили в какой-нибудь пьяной драке, а может, посадили наконец, и ему становилось жить легче и радостнее. Он даже перестал оглядываться и жаться к стенам, возвращаясь в общежитие с поздней гулянки.

В ту ночь Сергунька шёл домой в прекрасном настроении. В голове приятно шумело выпитое за вечер пиво, в руке дымилась хорошая сигарета, которую он только что стрельнул у водителя солидной иномарки, остановившейся у ночного киоска, а губы тихонько напевали что-то весёлое и беззаботное. Сергунька остановился у подъезда общежития докурить, как вдруг сзади на плечо ему легла чья-то тяжёлая рука. Сергунька вздрогнул от неожиданности и

обернулся. Кирпич смотрел сквозь него стеклянными глазами и ничего не говорил. Сергунька попробовал было отстраниться, но рука на его плече сжалась, и Кирпич проговорил сильно заплетающимся языком:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.